

Сёмик Алла Анатольевна

доктор исторических наук,
кандидат психологических наук, профессор
Кубанского социально-экономического института,
профессор Краснодарского кооперативного
института (филиала Российского университета
кооперации)

НЕРЕАЛИЗУЕМОСТЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ НОРМ КАК ОСОБЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ИСТОРИИ РОССИИ XVIII–XX ВВ.

Аннотация:

В работе обращается внимание на исторические особенности развития тех норм уголовно-исполнительного права, регулировавших реализацию наказания в виде лишения свободы, которые оказывались «мертвыми», то есть нереализуемыми, в XVIII–XX вв. Предлагаются рекомендации, позволяющие свести к минимуму принятие такого рода норм.

Ключевые слова:

лишение свободы, тюрьма, уложение, кодекс, нереализуемые нормы, заключение, экспертиза.

Syomik Alla Anatolievna

D.Phil. in History, PhD in Psychology,
Professor, Kuban Institute
for Social and Economic Studies,
Professor, Krasnodar Institute of Cooperation
(branch of Russian University of Cooperation)

IMPOSSIBILITY TO EXECUTE PENAL REGULATIONS AS A PARTICULARITY OF THE CONFINEMENT SYSTEM DEVELOPMENT IN RUSSIAN HISTORY OF XVIII–XX CENTURIES

Summary:

The article deals with historic particularities of development of those penal laws regulating such a punishment as imprisonment, which turned out to be "dead" or, in other words, unrealizable in XVIII–XX centuries. The author offers guidelines helping to minimize possibility of adoption of such regulations.

Keywords:

imprisonment, prison, code of justice, code, unexecutable laws, detention, expert opinion.

Одной из особенностей развития системы мест лишения свободы в истории России была далеко не полная реализация соответствующих уголовно-исполнительных норм, которые, важно отметить, сами по себе в своем большинстве вполне отвечали требованиям европейских стран своего времени. Например, согласно Регламенту, Главному магистрату 1721 г. предписывалось, в частности, устраивать смирительные дома, где должны были содержаться лица, которые, «не хотя трудиться о своем пропитании, ядят хлеб вотще... кто на какое время по злым их поступкам будет достоин, и посылать их на работу, чем бы они могли пропитание свое заработать» (гл. XX Регламента); однако смирительные дома так и не были устроены [1, с. 358]. Благое намерение не удалось реализовать в связи с тем, что в то время осужденные преступники, которых государство не ликвидировало посредством смертной казни, как это нередко случалось, активно использовались на строительстве множества государственных сооружений (административные здания, порты, крепости, заводы, плотины и т. д.), где они трудились вместе с вольнонаемными [2, с. 91].

В 1775 г. согласно ст. 266 и 267 Учреждений для управления губерний [3] во всех губернских городах велено было устроить «смирительные дома для преступников обоего пола». Но по тем же причинам и это предписание оказалось невыполненным. Спустя несколько лет по инициативе Екатерины Великой, как известно, был разработан Устав о тюрьмах, вполне соответствовавший передовым идеям в пенитенциарной сфере тех лет. Но проект так и остался проектом, так как для его выполнения требовались огромные средства, а в то время таковых не хватало даже для того, чтобы тюрьмы не содержались «до невозможности плохо» [4, с. 317]. В данном случае нужно отдать должное императрице – дело не дошло до издания заведомо «мертвого» нормативного акта [5, с. 28]. Смирительные дома были предусмотрены и Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 34, 56), однако, ввиду невозможности реализовать эти нормы, они были ликвидированы [6].

В целом для тюремной системы XIX в. было характерным установление большого разнообразия форм и мест лишения свободы (крепость, тюрьма, смирительный дом, тюремный замок, рабочий дом, арестантская рота). Однако, как справедливо отмечал Н.С. Таганцев, «различия между ними зачастую сводились к названию и порядку заведывания» [7, с. 225], а потому на деле теоретически правильная, казалось бы, идея дифференцировать условия отбывания наказания в виде лишения свободы для различных категорий преступников оказалась нежизнеспособной. Аналогичное положение было и с Уголовным уложением 1903 г.

Не извлек уроков и законодатель начального периода советской власти. Согласно ст. 46 Исправительно-трудового кодекса (ИТК) РСФСР 1924 г., места заключения имели широкий перечень разных видов: «1) дома заключения; 2) исправительно-трудовые дома; 3) трудовые колонии – сельскохозяйственные, ремесленные и фабричные; 4) изоляторы специального назначения; 5) переходные исправительно-трудовые дома». Отдельными были перечни учреждений для применения мер социальной защиты медико-педагогического характера, мер социальной защиты медицинского характера [8, с. 358]. После объявления «слома царской тюремной системы» материальная база учреждений исполнения наказания в виде лишения свободы находилась в критическом состоянии [9, с. 36]. То же касалось и персонала. На что рассчитывал законодатель, принимая такие нормы в условиях экономического кризиса? Увы, здесь верх взяла не наука, а идеология. ИТК РСФСР 1933 г. [10] несколько приблизил соответствующие законодательные положения к действительности, но ненамного [11, с. 184].

Позднее ИТК РСФСР 1970 г. при всех его недостатках представил собой правовой акт, который в наибольшей степени отвечал реальной ситуации в исправительно-трудовой системе [12, с. 65]. Но и здесь не обошлось без норм, которые оставались лишь декларативными. Примером может служить статья 37 кодекса, согласно которой «производственно-хозяйственная деятельность исправительно-трудовых учреждений должна быть подчинена их основной задаче – исправлению и перевоспитанию осужденных». На практике, как известно, для исполнительно-трудовых учреждений (ИТУ) сверху спускали директивные планы производства, и их выполнение являлось главным критерием оценки деятельности ИТУ. При таких условиях требования указанной нормы повсеместно игнорировались [13, с. 14, 77].

Новое уголовное законодательство Российской Федерации (УК РФ 1996 г.) и уголовно-исполнительное законодательство (УИК РФ 1997 г.), сделав, безусловно, существенный шаг вперед, все же не устранило ставшие уже хроническими недостатки, связанные с закреплением неработающих норм. В связи с этим в первую очередь следует назвать введение наказания в виде ареста (ст. 44, 54 УК РФ, ст. 16, 68–72 УИК РФ). Отлагательная норма, предусматривающая введение положений о наказании в виде ареста по мере создания необходимых условий, принципиальной роли, по сути дела, не сыграет, поскольку в России продолжается экономический кризис, уголовно-исполнительная система работает с предельным напряжением, с огромным трудом поддерживая жизнеобеспечение действующих учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы. Более того, их материальная база, не обновляясь, с каждым годом ухудшается, и только для ее восстановления, не говоря уже о строительстве новых учреждений, потребуются большие средства.

О нереализуемости норм об аресте неоднократно говорилось на многих уровнях при обсуждении проектов уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Однозначно против в свое время высказалось и Главное управление исполнения наказаний (ГУИН) МВД России [14, с. 77]. Однако и на этот раз верх взяли теоретики. В числе других нереализуемых положений можно назвать также нормы о предпринимательской деятельности осужденных в виде ТОО (приказ МВД России от 30.11.1993 г. № 517).

Как видно из вышеперечисленного, в России прослеживается негативная тенденция принятия нормативных актов, которые заведомо невыполнимы [15, с. 68]. В нашем случае это касается актов, связанных с исполнением наказаний в виде лишения свободы, в которые закладываются заведомо невыполнимые нормы, в результате чего усиливается противоречивость развития уголовно-исполнительной системы. Как правило, это объясняется необходимостью улучшения положения дел в пенитенциарной сфере и учета международных принципов, а также перспектив [16, с. 95]. Однако такое, само по себе нужное стремление раз за разом не учитывает экономических возможностей и трудовых ресурсов (численность и квалификацию персонала), которые в России есть и были всегда ограничены. Общую ошибку законодателей – реформаторов в тюремной области И.Я. Фойницкий выразил так: «У нас ставилась широкая задача насадить сразу и общим образом для всего государства улучшенную систему мест заключения; в результате оказалось, что это сопряжено с огромными практическими трудностями, и работы множества комиссий по этому предмету... остались безо всяких следов» [17, с. 317].

Необходимо отметить, что экспертиза проектов соответствующих нормативных актов должна быть всесторонней и включать более тщательную проработку экономических и организационных возможностей их реализации. Ведь теоретически любая идея, любая концепция выглядит привлекательно; только вот практика, как показывает многовековой опыт, приемлет далеко не все. В литературе справедливо указывается на необходимость более четкого определения целей наказания [18, с. 45], поскольку без этого нельзя говорить о качественном регулировании методов государственного принуждения по его исполнению [19, с. 58]. Закон по сути своей должен отражать фактически сложившиеся общественные отношения в определенной сфере

жизни. Закон должен работать сегодня, сейчас. Что касается перспективы, то сведения об этом должны быть не в нормах права. Это не значит, однако, что закон вообще не должен содержать «перспективных» норм (здесь речь идет о законах, связанных с организационно-материальной деятельностью в общегосударственном масштабе). Они могут быть, но расчет при этом следует делать не на далекое или неопределенное будущее, а на ближайшие годы. Также корректен вариант, когда условия исполнения некоторых норм оговариваются в общих положениях закона (например, ст. 3 УИК РФ).

В некоторых случаях, очевидно, весьма полезным может оказаться эксперимент, – подобный опыт в нашей стране имеется. В свое время (середина 1980-х гг.) в некоторых регионах апробировалось льготное исчисление сроков лишения свободы осужденных за высокие показатели в труде. Его проведение показало, что эта заманчивая идея не может быть реализована в силу недостаточных организационных возможностей исправительных учреждений и по некоторым другим причинам. Ситуация прояснилась, и в закон не попала очередная «мертвая» норма.

Придет время, российская экономика укрепится, тогда встанет вопрос и о арестных домах для исполнения наказания в виде ареста, и о других новейших достижениях в сфере исполнения наказаний в виде лишения свободы. В этих условиях законодателю и нужно принимать соответствующие нормы – такие, в реализуемости которых не возникнет никаких сомнений.

Ссылки:

1. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М., 1891.
2. Упоров И. Первое законодательное закрепление тюремного заключения как наказания в российском праве // Государство и право. 1998. № 9. С. 91.
3. Учреждения для управления губерний // Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. М., 1987.
4. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889.
5. Агафонов Ю.А., Упоров И.В. Историческое развитие уголовного права России : учеб. пособие. М., 2003. С. 28.
6. Упоров И.В. Законодательное регулирование и особенности института ссылки в Российской империи второй половины XVIII в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 112–115.
7. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Вып. IV. СПб., 1892.
8. ИТК РСФСР 1924 года // Сборник документов по истории уголовного права СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М., 1959. С. 182–193.
9. Упоров И.В. Развитие уголовного наказания в первые годы советской власти // Уголовное право. 2000. № 4. С. 36.
10. ИТК РСФСР 1933 года // Сборник документов по истории уголовного права СССР и РСФСР 1917–1952 гг. С. 367–378.
11. Упоров И.В. Исторический опыт формирования и реализации пенитенциарной политики России в XVIII–XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2001. С. 184.
12. Упоров И. От понятия «мздоимство» к понятию «взятка» // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 65.
13. Перегудов А.Г. Качественное состояние общности осужденных – основной концептуальный вопрос перестройки деятельности органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы // Проблемы перестройки деятельности органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы. Уфа, 1991.
14. Курдюк П.М., Упоров И.В., Акопян А.В. Преступность как социально опасное явление и государственное принуждение как метод его нейтрализации. Краснодар, 2007. С. 77.
15. Старков О.В., Упоров И.В. Теория государства и права / под общ. ред. О.В. Старкова. М., 2012. С. 68.
16. Упоров И., Городенцев Г. Понятие присвоения и растраты вверенного имущества в уголовном праве России // Уголовное право. 2004. № 4. С. 95.
17. Фойницкий И.Я. Там же. С. 317.
18. Упоров И. Целеполагание отдельных видов наказания в российском уголовном праве // Уголовное право. 2001. № 3. С. 45.
19. Грошев А.В., Упоров И.В. Уголовное право России. Общая часть. Краткий учебный курс. Ростов н/Д., 2006. С. 39.

References:

- Agafonov, YA & Uporov, IV 2003, *The historical development of Russian criminal law: studies*, Moscow, p. 28, (in Russian).
'СТИ РСФСР 1924' 1959, *Sbornik dokumentov po istorii ugovnogo prava SSSR i RSFSR 1917–1952 gg*, Moscow, pp. 182-193, (in Russian).
'СТИ РСФСР 1933' 1959, *Sbornik dokumentov po istorii ugovnogo prava SSSR i RSFSR 1917–1952 gg*, pp. 367-378, (in Russian).
Filippov, A 1891, *About punishment under the law of Peter the Great, in connection with the reform*, Moscow, (in Russian).
Foinitsky, IJ 1889, *The doctrine of punishment in connection with tyurmovedeniem*, St. Petersburg, (in Russian).
Groshev, AV & Uporov, IV 2006, *Criminal law of Russia. A common part. A short training course*, Rostov n / D, p. 39, (in Russian).
'Institutions for the management of provinces' 1987, *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov*, vol. 5, Moscow, (in Russian).
Kurdyuk, PM, Uporov, IV & Akopyan, AV 2007, *Crime as a socially dangerous phenomenon and state coercion as a method of neutralization*, Krasnodar, p. 77, (in Russian).
Peregoudov, AG 1991, 'Quality status of convicts community - the main conceptual question of restructuring activity of bodies enforcing sentences of imprisonment', *Problemy perestroyki deyatelnosti organov, ispolnyayushchikh nakazaniya v vide lisheniya svobody*, Ufa, (in Russian).
Starkov, OV (ed.) & Uporov, IV 2012, *Theory of State and Law*, Moscow, p. 68, (in Russian).
Tagantsev, NS 1892, *Lectures on Russian criminal law*, vol. IV, St. Petersburg, (in Russian).
Uporov, I 1998, 'The first legislative consolidation of imprisonment as a punishment in the Russian Law', *Gosudarstvo i parvo*,

no. 9, p. 91, (in Russian).

Uporov, IV 2000, 'Development of criminal penalties in the first years of Soviet power', *Ugolovnoye parvo*, no. 4, p. 36, (in Russian).

Uporov, IV 2001a, *Historical experience of formation and implementation of penal policy of Russia in the XVIII-XX centuries*, D.Phil. thesis, Krasnodar, p. 184, (in Russian).

Uporov, I 2001b, 'From the concept of "bribery" to the concept of "bribe"', *Rossiyskaya yustitsiya*, no. 2, p. 65, (in Russian).

Uporov, I 2001c, 'Targeting of certain types of punishment in the Russian criminal law', *Ugolovnoye parvo*, no. 3, p. 45, (in Russian).

Uporov, I & Gorodentsev, G 2004, 'The concept of appropriation and embezzlement of entrusted property in criminal law of Russia', *Ugolovnoye parvo*, no. 4, p. 95, (in Russian).

Uporov, IV 2015, 'Legal regulation and features links to the Institute of the Russian Empire in the second half of the XVIII', *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, no. 1, pp. 112-115, (in Russian).